

Путешествие кончалось. Широкие морские волны, целую неделю перебрасывавшие наш пароход слева направо и справа налево, колотившие посуду в столовой и заставлявшие нас, вопреки всем законам тяготения, взлетать вверх по лестницам, кататься по стенам и сшибать друг друга с ног у входа в гостиную, наконец остались сзади. Пароход вошёл в широкий и просторный залив, который служит преддверием Нью-Йоркской гавани, лежащей у общего устья двух великих рек. Прощальный обед в обеденной зале первого класса только что окончился; американские дамы с лицами, бледными от морской болезни, но в нарядных вечерних туалетах я со свежими цветами у корсажа толпились на площадке у выхода на верхнюю палубу. Сквозь широко распахнувшуюся дверь снаружи врывались струя холодного морского воздуха и полоса ночного мрака, так как последние лучи зари совершенно погасли. Мужчины столпились на палубе у наружных нерил под мелким, но надоедливym дождём и напряжённо вглядывались в темноту, ожидая увидеть блеск сигналов на прибрежных маяках Нью-Йорка.

-- Русский, смотрите, смотрите! -- возбуждённо воскликнул мой приятель и сосед по табльдоту, Мак-Лири, маленький, тощий американец с худощавым лицом и довольно беспечными манерами. -- Вот она, Америка!

Кроваво-огненный глаз перемежающегося маяка вспыхнул на самом краю горизонта и точас же погас и потом опять вспыхнул.

-- О, Америка, Америка! -- возбуждённо закричали пассажиры. -- Ура!

-- Ура! -- дружно подхватили дамы сзади. -- Тройное ура Америке!

Огненный глаз маяка всё открывался и закрывался.

-- Эка она подмигивает! -- кричал Мак-Лири. -- Соскучилась старуха! -- В голосе его звучала нежность; он разговаривал с невидимым чёрным берегом, как с любимым существом. -- Смотрите! -- говорил он мне ежеминутно. -- Там наша широкая страна! Наш собственный мир!..

На обоих концах палубы, отведённых для публики второго класса, тоже толпились люди, кричали ура и даже махали платками, слабо белевшими в темноте. Обе площадки второго класса составляли продолжение нашей, но качка на них чувствовалась сильнее и брызги морской воды падали чаще и обильнее. Они были отделены от нас тонкой и почти незаметной верёвкой, но я имел случай много раз убедиться, что этот малозаметный барьер не уступал крепостью любой железной решётке и каменной стене старой Европы. И теперь никто не хотел подойти к барьеру даже близко, и мы стояли на нашей просторной палубе, окружённые свободным пространством и не обращая внимания на две группы людей, собравшихся справа и слева.

Для пассажиров третьего класса были отведены узкие проходы внизу, покрытые проволочной сеткой и поливаемые солёным дождём при малейшем волнении. Я спустился по лестнице и вышел в эти узкие, снаружи открытые коридоры, которые ещё не успели обсохнуть от морской воды. Толпа эмигрантов теснилась во всю длину прохода, прижимаясь к сетке и напоминая арестантов, ожидающих урочного часа в зале свиданий. Наш пароход считался аристократическим и не брал много этой "челяди", как презрительно выразился помощник капитана в разговоре за обеденным столом, но несколько сот человек, которые не хотели ожидать настоящего эмигрантского парохода, пробрались и сюда. Люди неопределённого типа и народности, в грубой полуматросской одежде, перекликавшиеся между собой на лондонском жаргоне, не свободном в то же время от иностранных искажений, стояли бок о бок с работницами из Спитальфильда во фризовых жакетах и больших шляпах с яркими лентами, из-под которых выглядывали светло-рыжие космы плохо причёсанных волос. Итальянские рудокопы в летних куртках, совершенно не подходивших к зимнему американскому холоду, ёжились и дрожали, напряжённо всматриваясь вперёд. Почти все это были сицилианцы и апулийцы, убежавшие от домашнего голода и солдатской расправы, чтобы искать счастья и работы на американских железных дорогах. Кучка австрийских крестьян, словаков или поляков, смиренных и белокурых, похожая на кучку светлошёрстных овец, держалась в стороне, в самом дальнем углу парохода. В другом углу на мешках и ящиках уселись три семьи евреев, различного происхождения, не имевшие даже общего языка для того, чтобы разговаривать друг с другом, но соединившие вместе целую стаю мелких черномазых ребятишек, напоминавших грязных и голодных воробьёв. Я успел познакомиться с ними в скучные дни морского переезда. Одна семья